

УДК 334.7:316.42

DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-97-105

© Сафин Т.Ф., 2026

**Социальное предпринимательство в России:
состояние, вызовы, перспективы развития****Сафин Тимур Фадбирович**

Советник Председателя Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодёжи «Движение Первых»
(109004, Москва, ул. Земляной Вал, д. 50А, стр. 2; e-mail: in-sp@yandex.ru)

Актуальность работы определяется тем, что институт социального предпринимательства получил правовое закрепление в 2019 г. и демонстрирует устойчивый количественный рост, при этом государству в условиях бюджетных ограничений и старения населения требуются негосударственные механизмы решения социальных задач, а понятийный аппарат феномена остается дискуссионным. Цель статьи состоит в выявлении актуального состояния, ключевых вызовов и перспектив развития социального предпринимательства в России на основе изучения отечественных и зарубежных научных источников, законодательства и статистических данных, а также в подготовке предложений по совершенствованию государственной политики в этой сфере.

Научная значимость статьи заключается в систематизации зарубежных и отечественных теоретических школ и в выдвижении пяти дискуссионных положений с обоснованием позиции по каждому из них; практическая значимость выражается в комплексе конкретных предложений для органов государственной власти, включая меры налоговой, имущественной и кредитной поддержки. Основные результаты свидетельствуют о десятикратном увеличении числа социальных предприятий за исследуемый период при сохранении их крайне малой доли в общей структуре малого и среднего бизнеса и выраженной концентрации в ограниченном числе регионов. Выделены три группы вызовов сектора, охватывающие нормативные, финансовые и социокультурные аспекты, а также пять направлений среднесрочного развития, связанных с цифровизацией, интеграцией в ESG-повестку крупных корпораций и совершенствованием инструментов измерения социального эффекта.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, социальное предприятие, малый и средний бизнес, социальная миссия, импакт-инвестирование, государственная поддержка, реестр социальных предприятий, региональное развитие, социальные инновации, ESG

Для цитирования: Сафин Т.Ф. Социальное предпринимательство в России: состояние, вызовы, перспективы развития // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 97–105. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-97-105.

Введение

Социальное предпринимательство как самостоятельный феномен хозяйственной жизни вошло

в российскую экономическую повестку в середине 2000-х гг. и за последние пять лет получило системное институциональное оформление. Принятие Фе-

дерального закона от 26.07.2019 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации” в части закрепления понятий “социальное предпринимательство”, “социальное предприятие”» (Федеральный закон № 245-ФЗ) [1], закрепившего понятия «социальное предпринимательство» и «социальное предприятие», создание реестра социальных предприятий в составе Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства [2], развитие сети центров инноваций в социальной сфере (ЦИСС) и включение поддержки сектора в национальный проект «Малое и среднее предпринимательство» (с 2025 г. – «Эффективная и конкурентная экономика») сформировали инфраструктуру нового типа экономической активности, сочетающей коммерческую устойчивость и социальную миссию.

Актуальность настоящего исследования определяется тремя группами факторов. Во-первых, в условиях бюджетных ограничений и устойчивого роста доли населения старше трудоспособного возраста (по данным Росстата на 1 января 2025 г. более 24 %) государство объективно нуждается в негосударственных поставщиках социальных услуг. Во-вторых, сектор демонстрирует устойчивые количественные темпы роста: число участников реестра выросло за 2020–2024 гг. в десять раз. В-третьих, сохраняется концептуальная неопределённость, существенный разрыв между формальными признаками социального предприятия и реальной социальной миссией бизнеса, недостаточная эффективность мер поддержки и низкая узнаваемость сектора в обществе.

Цель статьи – на основе анализа отечественной и зарубежной литературы, нормативно-правовой базы и официальной статистики выявить актуальное состояние, ключевые вызовы и перспективы развития социального предпринимательства в Российской Федерации, а также сформулировать предложения по совершенствованию государственной политики в этой сфере.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: 1) систематизировать теоретико-методологические подходы к определению социального предпринимательства; 2) проанализировать динамику и структуру реестра социальных предприятий России в 2020–2025 гг.; 3) выявить и классифицировать ключевые вызовы развития сектора; 4) сформулировать дискуссионные положения относительно состояния и направлений развития социального предпринимательства в России; 5) определить перспективные направления развития в среднесрочной перспективе до 2030 г.

Обзор литературы

Концептуальные основы изучения социального предпринимательства были заложены в зарубежной литературе в конце 1990-х – начале 2000-х гг. В ис-

следовательской традиции Г. Диза (*G. Dees*) социальный предприниматель трактуется как носитель системных преобразований в общественной сфере: его деятельность подчинена задаче генерации социальной ценности, тогда как извлечение коммерческой прибыли рассматривается не в качестве самоцели, а как механизм воспроизводства и масштабирования социальной миссии [3]. Дж. Майр и И. Марти (*J. Mair, I. Martí*) предложили рассматривать социальное предпринимательство как процесс инновационного использования и комбинации ресурсов для удовлетворения неудовлетворённых социальных потребностей [4]. Лауреат Нобелевской премии мира М. Юнус, основатель *Grameen Bank*, ввёл понятие социального бизнеса, ключевой особенностью которого является принцип самоокупаемости при невыплате дивидендов: вся прибыль направляется на расширение социального воздействия [5; 6]. Европейская исследовательская школа (Ж. Дефурни, М. Ниссенс) акцентирует внимание на коллективном характере собственности и демократическом управлении социальных предприятий, что отражено в концепции *EMES* [7].

В отечественной науке систематическое изучение социального предпринимательства началось в 2008–2011 гг. Фундаментальной работой, заложившей понятийный аппарат российской школы, остаётся коллективная монография под редакцией А.А. Московской «Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования», подготовленная Центром социального предпринимательства и социальных инноваций Высшей школы экономики [8]. Авторы выделяют четыре отличительные характеристики социального предпринимательства: приоритет социальной миссии над коммерческими целями; рыночную (предпринимательскую) природу деятельности, обеспечивающую финансовую устойчивость без постоянных дотаций; инновационность подходов к решению социальных проблем; способность модели к воспроизведению в иных территориальных и социально-экономических условиях.

Значительный вклад в концептуализацию российского социального предпринимательства внесли работы В.В. Жоховой, которая рассматривала его через призму концепций предпринимательской деятельности и социальной миссии [9], Ю.Н. Арай и Т.А. Бурмистровой, исследовавших специфику бизнес-моделей социальных предприятий [10], В.А. Бариновой, проанализировавшей зарубежный опыт развития сектора и возможности его адаптации в России [11], А.В. Буяновой, систематизировавшей правовые и экономические проблемы развития социального бизнеса [12]. Региональные аспекты, в том числе влияние возрастной асимметрии населения, изучались в работах Т.Д. Ромащенко, А.Е. Кисовой, В.П. Канищева [13; 14].

Эмпирическая традиция изучения сектора связана прежде всего с тремя волнами исследований Фонда «Наше будущее» и группы ЦИРКОН (2013, 2018, 2023 гг.), которые сформировали репрезентативный портрет российского социального предпринимателя [15]. Анализ институциональной динамики и эмпирических результатов посвящена статья А.А. Московской и И.П. Поповой 2022 г. «Социальное предпринимательство в России: уроки выборочных эмпирических исследований (2008–2021)», в которой показаны противоречия, приведшие сектор к нынешнему состоянию неопределённости [16]. Современные публикации (И.В. Яхнеева, А.В. Павлова, 2021; материалы РБК+ и АСИ 2023–2025 гг.) фиксируют переход от стадии институционального оформления к стадии качественного развития, сопряжённой с ростом неопределённости макроэкономической среды [17].

Анализ литературы позволяет констатировать: единой общепринятой дефиниции социального предпринимательства до настоящего времени не выработано ни в международной, ни в отечественной науке, что отражает многогранный характер самого феномена и обуславливает необходимость комплексного, междисциплинарного подхода к его исследованию.

Материалы и методы исследования

Методологическую базу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение), методы сравнительного и структурного анализа, статистический и графический методы, метод динамических рядов, контент-анализ нормативно-правовых актов и научных публикаций. Информационную базу исследования образуют: данные Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства Федеральной налоговой службы России (по состоянию на 10.01.2026) [2]; статистические сборники Росстата «Малое и среднее предпринимательство в России» (2022, 2024) [18]; аналитические материалы Министерства экономического развития Российской Федерации; отчёты Агентства стратегических инициатив; данные Фонда региональных социальных программ «Наше будущее»; результаты экспертных опросов исследовательской группы ЦИРКОН (2021, 2023) [8]; публикации в реферируемых научных журналах из перечня ВАК за 2014–2025 гг.

Современное состояние социального предпринимательства в России

Институциональное оформление сектора связано с принятием Федерального закона № 245-ФЗ [1]. Согласно ст. 24.1 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (Федеральный закон № 209-ФЗ) [19], статус социального предприятия может быть присвоен субъекту МСП, удовлетворяющему хотя бы одной из четырёх групп

условий: обеспечение занятости социально уязвимых групп населения (с пороговыми значениями — не менее 50 % таких работников в штате и не менее 25 % их доли в фонде оплаты труда); сбыт товаров, работ и услуг, произведённых указанными категориями граждан; выпуск товаров и оказание услуг, ориентированных на эти же категории; ведение общественно полезной деятельности в одной из установленных социальных сфер.

Квалификация социальным предприятием подтверждается ежегодно региональным уполномоченным органом, после чего сведения вносятся в Единый реестр субъектов МСП и обновляются ежемесячно [2]. Анализ динамики реестра свидетельствует об устойчивом количественном росте сектора (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности социальных предприятий в РФ в 2020–2025 гг.

Год	Кол-во соц. предприятий в реестре, ед.	Прирост к предыдущему году, %	Доля от общего числа МСП, %
2020	≈ 1 200	—	≈ 0,02
2021	≈ 5 700	+ 375,0	≈ 0,09
2022	7 900	+ 38,6	≈ 0,13
2023	10 840	+ 37,2	≈ 0,17
2024	> 12 000	+ 11,0	≈ 0,18
2025	≈ 11 500	– 4,2	≈ 0,17

Составлено автором по данным Единого реестра субъектов МСП ФНС России и Минэкономразвития России [2; 18].

Как видно из таблицы 1, за пять лет численность социальных предприятий выросла с примерно 1,2 тыс. до более чем 12 тыс., то есть в 10 раз. Наиболее интенсивный прирост пришёлся на 2021 г. (этап массовой первичной квалификации) и 2022–2023 гг. (этап масштабирования региональных программ). В 2024 г. темпы прироста замедлились до 11 %, а по итогам 2025 г. зафиксирована небольшая коррекция реестра до 11,5 тыс. ед., что свидетельствует о приближении к насыщению по числу субъектов, формально соответствующих критериям. На таких предприятиях, по экспертным оценкам Минэкономразвития, занято порядка 60 тыс. чел., выпускается более ста видов продукции и услуг.

Несмотря на десятикратный рост, доля социальных предприятий в общей численности субъектов МСП России остаётся крайне низкой. По данным ФНС России, на 10 мая 2025 г. в реестре МСП зарегистрировано порядка 2,34 млн юридических лиц и около 4,2 млн индивидуальных предпринимателей, то есть около 6,5 млн субъектов [2]. Социальные предприятия составляют менее 0,2 % от общего числа МСП. По экспертной оценке Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, в стране функционирует не менее 50 тыс. компаний, фактически реализующих социально значимые

проекты, однако официальный статус социального предприятия имеют лишь около четверти из них. Это подтверждает выводы А.А. Московской о существенном разрыве между формально-юридическим определением и экономико-социологической сущностью сектора [16]. Региональная структура социального предпринимательства характеризуется выраженной концентрацией. На пять субъектов Российской Федерации приходится более 25 % всех социальных предприятий страны (табл. 2).

Таблица 2
Регионы-лидеры по числу социальных предприятий в 2022–2024 гг., ед.

№	Субъект РФ	2022 г.	2023 г.	2024 г.
1	Московская область	801	999	1 137
2	Республика Башкортостан	398	614	609
3	Нижегородская область	353	461	≈ 480
4	Приморский край	350	377	≈ 395
5	Ханты-Мансийский АО	299	≈ 340	≈ 360
6	Ленинградская область	≈ 240	406	≈ 430

Составлено автором по данным Минэкономразвития России и аналитическим материалам АСИ.

Лидерство Московской области, Республики Башкортостан, Нижегородской области, Приморского края и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры объясняется сочетанием трёх факторов: высоким уровнем развития инфраструктуры поддержки (региональные ЦИСС, центры «Мой бизнес»), активной позицией региональных органов исполнительной власти и наличием устойчивых грантовых программ. В то же время значительное число субъектов Российской Федерации (преимущественно в Северо-Кавказском, Дальневосточном и Сибирском федеральных округах) имеют менее 50 социальных предприятий каждый, что свидетельствует о пространственной асимметрии развития сектора.

Отраслевая структура социального предпринимательства в России отличается доминированием традиционных направлений: дополнительное образование детей и взрослых (по различным оценкам – от 28 до 35 % всех социальных предприятий), социальные услуги для пожилых граждан и инвалидов (около 20 %), детский отдых и развивающие услуги (около 15 %), производство товаров для уязвимых категорий и реабилитация (около 12 %). Принципиально новыми для сектора стали направления, связанные с цифровизацией: применение искусственного интеллекта в реабилитации и протезировании, дистанционное дополнительное образование, программы внутреннего туризма для людей с особыми потребностями, креативные индустрии и работа через маркетплейсы.

Согласно данным исследования Фонда «Наше будущее» и группы ЦИРКОН (2023 г., опрошено 251 респондент в 14 регионах), портрет российско-

го социального предпринимателя имеет следующие характеристики: преобладают женщины (около 70 % опрошенных), средний возраст составляет 35–50 лет, более 60 % имеют высшее образование, более половины проектов созданы по личной мотивации, связанной с собственным жизненным опытом или опытом близких [15]. Большинство социальных предприятий относятся к микропредприятиям с численностью занятых до 15 чел. и годовой выручкой до 60 млн руб.

Ключевые вызовы развития социального предпринимательства

На основе анализа литературы и эмпирических данных выделены *три группы вызовов* развития российского социального предпринимательства: концептуально-нормативные, ресурсно-финансовые и социокультурные.

1. **Концептуально-нормативные вызовы.** Прежде всего сохраняется так называемый «кризис определения»: формально-юридический подход, основанный на четырёх категориях критериев Федерального закона № 209-ФЗ [19], не охватывает значительную часть фактически социально ориентированного бизнеса. Доминирующим формальным признаком на практике остаётся трудоустройство инвалидов, нередко мотивированное налоговыми льготами, а не реальным решением социальных задач [13]. Отсутствуют общепринятые методики измерения социального эффекта (Social Return on Investment, SROI), что затрудняет оценку результативности государственной поддержки и принятие импакт-инвестиционных решений. Не урегулированы правовые механизмы для гибридных организационных форм (социальный кооператив, фонд с предпринимательской деятельностью), широко представленных в зарубежной практике.

2. **Ресурсно-финансовые вызовы.** По данным исследования Фонда «Наше будущее» 2023 г. [15], тремя наиболее острыми проблемами социальные предприниматели называют дефицит квалифицированных кадров, недостаток финансирования для роста и масштабирования и сложности с арендой помещений. Льготная аренда муниципальной и государственной недвижимости признана наиболее востребованной мерой поддержки 59 % опрошенных. Сектор импакт-инвестирования в России находится на ранней стадии формирования: отсутствуют специализированные финансовые институты, ограничен доступ к долгосрочному заёмному капиталу, банковское кредитование осуществляется на общих условиях без учёта специфики социальной миссии. Зависимость от грантового финансирования и государственных субсидий формирует «ижидивенческую» модель поведения, отмеченную ещё в начале 2010-х гг. экспертами АСИ.

3. **Социокультурные вызовы.** Низкая узнаваемость и общественное понимание феномена со-

циального предпринимательства приводят к смешению его с благотворительностью, что снижает потребительскую готовность платить рыночную цену за продукцию социальных предприятий. По данным репрезентативных опросов 2021–2023 гг., менее 30 % граждан могут корректно идентифицировать социальное предприятие. Вторым социокультурным вызовом является относительно слабая развитость третьего сектора и культуры частной филантропии по сравнению со странами с развитым рынком импакт-инвестирования (Великобритания, Канада, США, Республика Корея). Третьим – институциональная инерция системы социального обслуживания, медленно открывающейся для негосударственных поставщиков услуг, несмотря на принятый 28.12.2013 Федеральный закон № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [20].

Дополнительными внешними вызовами 2022–2025 гг. стали санкционное давление, разрыв ряда международных партнёрств, рост стоимости заёмного капитала вследствие повышения ключевой ставки Банка России и сокращение присутствия международных некоммерческих организаций, ранее являвшихся источником методической и грантовой поддержки. Одновременно эти процессы открыли «окно возможностей» для развития отечественной инфраструктуры поддержки и формирования собственных школ социального предпринимательства.

Анализ современного состояния социального предпринимательства в Российской Федерации обнаруживает ряд содержательных противоречий, по которым в исследовательской и экспертной среде ведётся продолжающаяся дискуссия. Систематизация этих противоречий позволяет вычлениить пять взаимосвязанных дискуссионных положений, имеющих принципиальное значение для дальнейшей траектории развития сектора.

Дискуссионное положение 1. Природа феномена: формально-юридический или содержательный подход к определению социального предприятия? Сторонники формально-юридического подхода (преимущественно представители органов исполнительной власти и Минэкономразвития) исходят из того, что чёткие количественные критерии Федерального закона № 245-ФЗ [1] обеспечивают предсказуемость и администрируемость государственной поддержки, исключают произвольное толкование статуса и позволяют масштабировать реестр. Оппоненты данной позиции (А.А. Москвитская, И.П. Попова и ряд других исследователей) указывают, что формальный подход стимулирует «реестровое» предпринимательство – стратегию, при которой бизнес соответствует критериям ради налоговых преференций, не реализуя содержательной социальной миссии [16]. Авторская позиция

состоит в том, что в среднесрочной перспективе целесообразен переход к двухуровневой модели: базовый формально-юридический статус социального предприятия должен быть дополнен добровольной сертификацией «социального предприятия высокого уровня воздействия» с подтверждённой методикой измерения социального эффекта. Такая модель снижает риск симулятивных стратегий и одновременно сохраняет преимущества администрируемости.

Дискуссионное положение 2. Модель государственной поддержки: «выращивание сверху» или органичное развитие? В экспертном сообществе устойчиво воспроизводится тезис, согласно которому социальное предпринимательство как живой социально-экономический феномен не может быть сформировано исключительно административным путём. Десятикратный рост реестра в 2020–2024 гг. при сохраняющейся низкой институциональной зрелости сектора подтверждает справедливость этого тезиса лишь отчасти: механизмы директивного развёртывания инфраструктуры (ЦИСС, центры «Мой бизнес», региональные программы) действительно обеспечили количественное расширение, но не привели к формированию устойчивого слоя самовоспроизводящихся социальных предпринимателей. С другой стороны, опыт 2008–2018 гг., когда сектор развивался преимущественно «снизу», показал, что без государственной поддержки прирост числа субъектов исчисляется единицами и десятками в год. Дискуссия о приоритете «push-» или «pull-стратегии» поддержки остаётся открытой; на наш взгляд, оптимальной моделью является сочетание точечной государственной поддержки инфраструктуры (а не самих предприятий) с постепенным формированием рыночных механизмов импакт-инвестирования и общественного заказа.

Дискуссионное положение 3. Стратегический выбор: количественный или качественный рост? Действующая логика оценки эффективности государственной политики, ориентированная на показатели численности предприятий в реестре и количества трудоустроенных в них работников, формирует своеобразную «институциональную ловушку»: достижение плановых KPI стимулирует расширение пула формально соответствующих критериям субъектов, но не повышает их социальное воздействие. Попытка перевести оценку с количественных индикаторов на показатели социального эффекта (SROI, IRIS+, ESG-метрики) сталкивается с двумя принципиальными ограничениями – отсутствием национальной унифицированной методики измерения социального воздействия и значительной стоимостью её внедрения для микропредприятий, составляющих основу сектора. Замедление прироста реестра в 2024 г. до 11 % и его коррекция в 2025 г. (до 11,5 тыс.) могут интерпретироваться как индикатор завершения экстенсивной стадии развития.

По нашему мнению, дальнейшая стратегия должна сместиться от наращивания числа субъектов к селективной поддержке проектов с подтверждённым высоким социальным воздействием – в том числе через дифференцированные меры поддержки в зависимости от уровня социального эффекта.

Дискуссионное положение 4. Соотношение социального предпринимательства, СО НКО и «третьего сектора»: размывание или укрепление границ? В отечественной практике наблюдается параллельное развитие нескольких институциональных форм социально ориентированной деятельности: коммерческих социальных предприятий в реестре ФНС, социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО), исполнителей общественно полезных услуг, благотворительных фондов с предпринимательской деятельностью. На уровне правового регулирования эти формы остаются обособленными, что создаёт дискуссионную ситуацию. Часть экспертов (в том числе представители Фонда «Наше будущее» и АСИ) выступает за расширение понятия социального предпринимателя на ту часть НКО, которая ведёт значительный объём платной деятельности, а также за введение универсального статуса «оператора общественно полезной деятельности». Оппоненты данной позиции указывают на риск размывания границ предпринимательства и благотворительности, что может привести к регуляторному арбитражу и снижению социального доверия. Конструктивный выход из этой дискуссии видится в развитии нормативной базы для гибридных организационных форм (социальный кооператив, фонд с предпринимательской деятельностью, бенефициарная корпорация по аналогии с *benefit corporation* в США), а не в формальном объединении уже существующих институтов.

Дискуссионное положение 5. Региональные экосистемы: тиражирование столичных моделей или поддержка эндогенных моделей развития? Значительная региональная асимметрия – концентрация более четверти социальных предприятий в пяти субъектах Российской Федерации при наличии регионов с числом таких предприятий менее 50 – порождает дискуссию о методологии масштабирования. Доминирующая в настоящее время практика ориентирована на тиражирование лучших региональных кейсов (Московская область, Республика Башкортостан, Нижегородская область) через типовые регламенты ЦИСС и унифицированные программы поддержки. Однако опыт показывает, что прямое копирование столичных моделей в регионы со слабым институциональным капиталом, низкой плотностью гражданских инициатив и иной отраслевой структурой экономики не приводит к сопоставимым результатам. Альтернативная позиция предполагает развитие эндогенных региональных моделей, опирающихся на специфические компетенции тер-

риторий (народные промыслы и креативные индустрии – для Северо-Кавказского региона, экотуризм и сельскохозяйственная кооперация – для регионов Сибири и Дальнего Востока, реабилитационные и медицинские услуги – для регионов с развитыми санаторно-курортными комплексами). Дискуссия об оптимальном балансе между унификацией мер поддержки и учётом региональной специфики остаётся одним из наиболее принципиальных направлений развития сектора.

Обозначенные дискуссионные положения не являются взаимоисключающими; каждое из них формирует свою плоскость обсуждения, но в совокупности они задают контур стратегического выбора, перед которым стоит сектор социального предпринимательства Российской Федерации в среднесрочной перспективе. Конструктивный диалог по этим положениям между органами государственной власти, исследовательским сообществом, инфраструктурными организациями (АСИ, ВЭБ.РФ, Фонд «Наше будущее») и самими социальными предпринимателями представляется необходимым условием для перехода сектора к стадии качественной зрелости.

Перспективы развития социального предпринимательства

Среднесрочные перспективы развития российского социального предпринимательства до 2030 г. определяются совокупностью благоприятных внутренних и внешних факторов и могут быть структурированы по пяти направлениям. Во-первых, продолжающаяся институциональная консолидация. С 2025 г. поддержка социального предпринимательства интегрирована в национальный проект «Эффективная и конкурентная экономика», что обеспечивает долгосрочное бюджетное финансирование. Закрепление приоритета общественно полезных целей в законе о государственной корпорации «ВЭБ.РФ» создаёт возможности для масштабного импакт-финансирования инфраструктурных социальных проектов. По экспертной оценке автора, при сохранении текущих темпов и расширении правовых форм численность социальных предприятий в реестре к 2030 г. может достичь 25–30 тыс., а доля сектора в общей занятости МСП – приблизиться к 1 %.

Во-вторых, цифровая трансформация открывает принципиально новые ниши для социального предпринимательства: телемедицина и удалённая реабилитация для жителей малых населённых пунктов, цифровые образовательные платформы для детей с особыми образовательными потребностями, ассистивные технологии на основе искусственного интеллекта, маркетплейсы товаров социальных предприятий. Цифровизация снижает барьеры входа и расширяет географию реализации, что особенно важно для асимметричной по уровню развития российской территории.

В-третьих, интеграция повестки устойчивого развития (*ESG*) в стратегии крупных российских корпораций формирует растущий спрос на партнёрство с социальными предпринимателями. Апробация Стандарта общественного капитала с участием крупного бизнеса показала, что совокупный вклад компаний в достижение национальных целей за четыре года превысил 3 трлн руб. Это создаёт основу для модели «корпорация – социальный предприниматель», в которой крупный бизнес выступает заказчиком, инвестором и партнёром, а социальные предприятия – операторами проектов.

В-четвёртых, перспективным является развитие региональных экосистем социального предпринимательства на основе модели «тройной спирали» (государство – бизнес – наука) с подключением четвёртого элемента – гражданского общества. Опыт Московской области, Республики Башкортостан и Нижегородской области показывает, что комплексная региональная политика, включающая ЦИСС, грантовые программы, льготную аренду и образовательные акселераторы, способна обеспечить кратный рост сектора в течение 3–5 лет. Тиражирование лучших региональных практик является ключевым резервом развития, но требует учёта эндогенных особенностей регионов (см. дискуссионное положение 5).

В-пятых, стратегически важным является преодоление концептуальной неопределённости и переход от формально-юридического к содержательному подходу в определении социального предпринимательства. Это предполагает: внедрение методик измерения социального эффекта (*SROI*, *IRIS+*, российская методика социального воздействия); закрепление в законодательстве гибридных организационно-правовых форм; разработку системы добровольной сертификации социальных предприятий по уровням социального воздействия; формирование статистики социального предпринимательства в составе Росстата.

К числу основных рекомендаций для государственной политики, направленных на реализацию указанных перспектив, относятся: создание Российского банка развития социального предпринимательства или соответствующего подразделения в составе ВЭБ.РФ с льготными кредитными продуктами; распространение режима специального налогообложения (по аналогии с ИТ-отраслью) на социальные предприятия с подтверждённым социальным эффектом; включение социальных предприятий в перечень приоритетных поставщиков по государственным закупкам в социальной сфере с долей не менее 15 %; запуск федеральной программы льготной аренды государственного и муниципального имущества по символической ставке 1 руб./кв. м для подтверждённых социальных предприятий; развитие магистерских программ по социальному

предпринимательству и импакт-менеджменту в ведущих экономических вузах России.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд выводов. Социальное предпринимательство в Российской Федерации в 2019–2025 гг. прошло путь от концептуального феномена до институционализированного сектора экономики, объединяющего более 12 тыс. формально зарегистрированных социальных предприятий и порядка 60 тыс. занятых работников. Десятикратный количественный рост за пять лет свидетельствует об эффективности первого этапа институционального оформления – закрепления понятия в законодательстве, создания реестра и развёртывания инфраструктуры поддержки. Вместе с тем доля сектора в общей численности МСП остаётся крайне низкой (менее 0,2 %), наблюдается выраженная региональная и отраслевая концентрация, сохраняется существенный разрыв между формально-юридическим определением и экономико-социологической сущностью социального предпринимательства. Ключевыми вызовами развития сектора являются концептуально-нормативная неопределённость, ограниченный доступ к долгосрочному финансированию и кадровый дефицит, низкая общественная узнаваемость феномена. Сформулированные в статье пять дискуссионных положений (о природе феномена, модели государственной поддержки, стратегическом выборе между количественным и качественным ростом, соотношении с СО НКО и третьим сектором, региональных моделях развития) задают рамку дальнейшего академического и экспертного обсуждения и одновременно служат основой для совершенствования государственной политики в данной сфере.

Перспективы развития социального предпринимательства в России связаны с цифровой трансформацией, интеграцией в *ESG*-повестку крупного бизнеса, развитием региональных экосистем и содержательным переосмыслением подходов к определению и измерению социального эффекта. Реализация предложенных направлений государственной политики способна обеспечить переход сектора от стадии количественного роста к стадии качественной зрелости и повысить его вклад в достижение национальных целей устойчивого развития Российской Федерации. Дальнейшие исследования в данной области целесообразно направить на разработку национальной методики измерения социального эффекта, межрегиональный сравнительный анализ эффективности мер поддержки, изучение взаимодействия социального предпринимательства с системами государственного социального обслуживания, а также на эконометрическое моделирование вклада сектора в социально-экономическое развитие регионов России.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.07.2019 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие» // СЗ РФ. 2019. № 30. Ст. 4112.
2. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // Федеральная налоговая служба России. URL: <https://rmsp.nalog.ru> (дата обращения: 15.04.2026).
3. Dees J.G. The Meaning of «Social Entrepreneurship» // Center for the Advancement of Social Entrepreneurship. Duke University, 1998 (revised 2001). 6 p.
4. Mair J., Martí I. Social entrepreneurship research: A source of explanation, prediction, and delight // Journal of World Business. 2006. Vol. 41. № 1. P. 36–44.
5. Юнус М. Создавая мир без бедности: Социальный бизнес и будущее капитализма / Пер. с англ. М.: Альпина Паблишерз, 2010. 312 с.
6. Yunus M., Moingeon B., Lehmann-Ortega L. Building Social Business Models: Lessons from the Grameen Experience // Long Range Planning. 2010. Vol. 43. № 2-3. P. 308–325.
7. Defourny J., Nyssens M. Conceptions of Social Enterprise and Social Entrepreneurship in Europe and the United States: Convergences and Divergences // Journal of Social Entrepreneurship. 2010. Vol. 1. № 1. P. 32–53.
8. Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования / отв. ред. А.А. Московская. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2011. 284 с.
9. Жохова В.В. Социальное предпринимательство: сущность и понятие // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2015. № 1. С. 85–98.
10. Арай Ю.Н., Бурмистрова Т.А. Специфика бизнес-моделей в социальном предпринимательстве // Российский журнал менеджмента. 2014. Т. 12. № 4. С. 55–78.
11. Баринаева В.А. Зарубежный опыт развития социального предпринимательства и возможность его применения в России. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 88 с.
12. Буянова А.В. Проблемы социального предпринимательства // Социально-политические науки. 2015. № 4. С. 92–95.
13. Ромащенко Т.Д., Канищев В.П., Кисова А.Е. Социальное предпринимательство: особенности и перспективы развития в России // Экономика и предпринимательство. 2018. № 1 (90). С. 457–461.
14. Кисова А.Е., Шамрина И.В. Социальное предпринимательство в условиях усиления асимметрии возрастной структуры населения: региональные особенности, проблемы и перспективы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2025. № 4. С. 45–62.
15. Социальное предпринимательство в России: портрет, сферы деятельности, трудности – результаты исследования / Фонд «Наше будущее», группа ЦИРКОН. М., 2023. 84 с.
16. Московская А.А., Попова И.П. Социальное предпринимательство в России: уроки выборочных эмпирических исследований (2008–2021) // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 42–54.
17. Яхнеева И.В., Павлова А.В. Социальное предпринимательство в России: состояние, факторы влияния, перспективы // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11. № 6. С. 1471–1484.
18. Малое и среднее предпринимательство в России. 2024: статистический сборник / Росстат. М., 2024. 102 с.
19. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (ред. от 12.12.2023) // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.
20. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 7007.

Social Entrepreneurship in Russia: State, Challenges, and Development Prospects***Timur Fadbirovich Safin***

The All-Russian Public-State Movement of Children and Youth «Movement of the First»
(Moscow, Russia)

The relevance of the work is determined by the fact that the institute of social entrepreneurship was legally consolidated in 2019 and demonstrates steady quantitative growth, while the state, under conditions of budget constraints and an aging population, requires non-governmental mechanisms for solving social problems, and the conceptual framework of the phenomenon remains controversial. The

purpose of the article is to identify the current state, key challenges and prospects for the development of social entrepreneurship in Russia based on the study of domestic and foreign scientific sources, legislation and statistical data, as well as to prepare proposals for improving government policy in this area.

The scientific significance of the article lies in the systematization of foreign and domestic theoretical schools and in the nomination of five controversial positions with the justification of the position on each of them. The practical significance is expressed in a set of specific proposals for public authorities, including measures of tax, property and credit support. The main results indicate a tenfold increase in the number of social enterprises over the period under study, while maintaining their extremely small share in the overall structure of small and medium-sized businesses and a pronounced concentration in a limited number of regions. Three groups of challenges of the sector are identified, covering regulatory, financial and socio-cultural aspects, as well as five areas of medium-term development related to digitalization, integration into the ESG agenda of large corporations and improvement of tools for measuring social impact.

Keywords: social entrepreneurship, social enterprise, small and medium business, social mission, impact investing, state support, register of social enterprises, regional development, social innovations, ESG

